

Гласность вошьющего в пустыне

Есть старая байка. В радиокomitee приходит человек с улицы и просит у начальника разрешения сказать несколько слов в эфир.

— Вы в своем уме?! — гневется начальник.

— Хотя бы три слова, — настаивает посетитель.

— Нельзя!

— Два слова?

— Нельзя!

— Ну, одно словечко?

— Черт с тобой, одно словечко можно, — сдаётся начальник.

Человек подходит к микрофону и выкрикивает:

— По-мо-ги-те!!!

Моя статья, очевидно, будет походить на вопль этого человека. Только не знаю, кому он адресован, кто услышит его...

«... Мы теперь с державою на «ты».

Партией дозволена отныне Нам взамен публичной немоты Гласность вопиющего в пустыне...»

Эту надпись сделал в 1988 году на подаренной мне книге известный социолог, исследователь телевидения Всеволод Вильчек. Сегодня, я думаю, «гласность вопиющего в пустыне» стала нормой в публицистических усилиях журналистской братии...

Тридцать пять лет отдал я телевидению. В 60-е годы работал режиссером в молодежной редакции, принимал участие в создании эпохальной «Летописи полувека», посвященной 50-летию советской власти, а в шестьдесят восьмом перешел в студию документальных телефильмов Творческого объединения «Экран», образованного в том же году по специальному распоряжению председателя Совета министров А.Н.Косыгина. Объединение было призвано обеспечить голубой экран телевизионными фильмами — игровыми, музыкальными, документальными, мультипликационными. За короткое время объединение набрало силу. Кинематографисты охотно сотрудничали с ним. Здесь можно было реализовать нереализованное, проталкивать темы, не проходившие в Комитете по кино.

Кроме того, телевидение гарантировало миллионную аудиторию, чего далеко не всегда удавалось достичь кинотеатрам. Ежедневно в эфире прокатывались три-четыре фильма ТО «Экран». Среди них были и очень хорошие: «12 стуль-

ев» и «Обыкновенное чудо» М.Зарова, «Здравствуйте, я ваша тетья» В.Титова, «Нос» Р.Быкова, «Дневной поезд» И.Селезневой, «Дни хирурга Мишкина» В.Зобина... Музыкальная студия демонстрировала фильмы о Бетховене, Рихтере, Мравинском, Улановой, Плесецевой, Утесове...

Уверен, что таким составом классных режиссеров-документалистов, собранных в «Экране», не могла похвастаться ни одна студия страны: Ю.Белянкин, И.Беляев, М.Голдовская, В.Демин, С.Зеликин, А.Садковой, Е.Смелая, А.Пелешан, М.Рыбаков, Т.Шахвердиев... Замечательно работали мультипликаторы, слепившие «Пластиковую ворону», нарисовавшие кота Леопольда и почтальона Печкина. Ну а ряд фильмов, сделанных по заказу «Экрана» на киностудиях Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Минска, Свердловска, стали явлением: «Ирония судьбы...» Э.Рязанова, «Маленькие трагедии» М.Швейцера, «Бумбараш» Н.Рашеева, фильмы С.Колосова, А.Прошкина, сериалы «17 мгновений весны» Т.Лиозновой, «Место встречи изменить нельзя» С.Говорухина, «ТАСС уполномочен заявить» В.Фокина и многие, многие другие.

От повседневной продукции телевидения фильмов «Экрана» отличались профессионализмом, глубиной, основательностью. Что бы ни говорили теперь, какие бы доводы ни выдвигали, уверен, что первопричиной неприязни к «Экрану» со стороны редакций Останкино была банальная зависть слабо к сильному. Помню, каких усилий стоило пробить картину в эфир. Фильмы, особенно документальные, задвигались, как правило, на «мертвое время», поэтому даже отличные работы порой проходили незамеченными.

Каждому вновь пришедшему председателю телевидения эфирники наушничили на «Экран»: «Производство фильмов — дело хлопотливое и дорогое. «Экран» — это тяжелый груз, который без всякой пользы вынуждено тащить на себе телевидение. Его надо прихлопнуть...»

Удары по «Экрану» достигали цели. Объединение стало пошатываться, поступь его потеряла уверенность. Сокращалось государственное финансирование, сокращалось производство. Почуяв недоброе, режиссеры потекли искать счастья на стороне.

Когда я, оставшись, как и многие мои коллеги, без постановки, направился было в отдел кадров, чтобы взять накопившиеся за несколько лет отпуска, милая женщина-начальник предложила мне написать заявление о переводе в «отстойник». Так на жаргонном языке называют резерв, куда отправляют творческих работников «Экрана»: вроде не увольняют, но и работать не дают. Я возмутился: «Проработать столько лет и уйти в «отстойник»? Никогда!»

Заметки безработного кинорежиссера

— Не пойдете в «отстойник» — не получите отпускных, — возразила она.

Вот так, не достигнув пенсионного возраста, я вместе с другими опытными творческими работниками оказался в этом самом «отстойнике».

Освободившись от режиссеров и операторов, «Экран» продолжает существование. В просторном кабинете трудится генеральный директор товарищ Б.Хессин, руководивший «Экраном» в годы застоя и вернувшийся вновь, чтобы присутствовать при кончине любимого дитища. В других кабинетах работают его многочисленные замы и руководители дышащих на ладан студий. Вместо десятков картин снимается две-три. Производство стоит, а чиновничья жизнь течет. Регулярно проводятся летучки, планерки, заседает совет директоров. «Фильм, не снятый режиссером Икс, намного слабее фильма, не снятого режиссером Игрек», — в таком духе, по-видимому, администрация обсуждает последние работы...

А на останкинском Олимпе короли эфира празднуют победу над «Экраном». Многолетние усилия по уничтожению кинематографического колосса увенчались успехом. Теперь надо добить его. По слухам, в новейшей структуре телевидения (толком о ней не знает никто) «Экрана» нет вовсе. Говорят, что два года (почему только два?) на Общественном Российском телевидении не будут производить собственных фильмов. Курс взят на покупную продукцию, импортную. Поэтому «Экран», субси-

дируемый государством, не нужен. Довод все тот же: «Дорого и хлопотно...»

Такой подход вполне соответствует духу времени. Конечно, снимать передачи дешевле и проще. Стоит только позвать известных лиц, назвать погромче суммы выигрышей на викторинах — и все будет путем. Но какими бы обаятельными ни были приглашенные лица, какие бы суммы выигрышей ни выкрикивались, передачи эти чаще всего — однодневки, в то время как фильмы — часть культурного слоя, знаки времени, произведения, которые будут повторяться по телевидению в течение многих лет, как это происходит сегодня с лентами, снятыми десять — двадцать лет назад.

Я сделал более пятидесяти документальных фильмов и около двухсот телепередач и могу не хуже телекритика объяснить разницу между ними. Но профессионалов, перешедших пятидесятилетний рубеж, на телевидении сегодня не слушают. Нас называют поколением, вышедшим в тираж. Сегодня на телевидении есть способные люди, но много недоучившихся юнцов, чье безмерное самомнение обратно пропорционально наличию профессиональных знаний. Зрителю недосуг рассуждать, почему телевидение стало монотонным. Он констатирует факт. Но мы обязаны знать причины. Это жанрово однообразие (викторины, встречи с одними и теми же людьми. Биографию Рязанова зритель выучил, как биографию Ленина), небрежность в съемках и монтаже, поток покупных сериалов, в котором тонут даже отличные фильмы мастеров мирового класса. Оазисами на этом фоне смотрятся наши фильмы, даже те, что в прежние годы не выдерживали критики.

Отсутствие государственных дотаций развязало руки частному капиталу. Единственным критерием, определяющим качество замысла, стало наличие финансовой поддержки. Есть деньги — будет дело, нет — гуляй со своим замыслом. Вкусы заказчиков, владеющих капиталом, не всегда безупречны. Отсюда и качество передач, калькированных с европейских и американских программ. Легче слямзить, чем придумать свое. К тому же оригинальная идея не всегда гарантирует успех. Может, получится, а может, нет... Тут

надо рисковать, думать. Но для чего экспериментировать, когда существуют проторенные пути?

На недавнем пленуме Союза кинематографистов России с третьей говорилось о положении дел с кинематографом на телевидении. Пленум прошел, а общественность продолжает бурлить. Все понимают: крушение «Экрана» — это гибель организации, целенаправленно занимавшейся производством фильмов для телевидения. Без государственной помощи телекино обречено. Какой денежный мешок захочет выкинуть средства на телефильм, если заранее известно, что при самом благоприятном исходе затраты окупятся едва ли на треть? Единственная возможность сохранить отрасль — просить правительство России о выделении средств на развитие телекино.

Впрочем, понятно, что государство — не дойная корова, у него не хватает средств не только на телекино, но и на другие, не менее важные дела. Поэтому, полагаю, можно было бы сделать так, чтобы в спасении «Экрана» главную роль сыграл бы... сам «Экран». Вы спросите: как? Отвечу. Прежде, когда было монопольное Центральное телевидение, телевизионные ленты «крутили» не только по двум столичным каналам, но и в каждом из 130 местных. Сегодня «Экран» оказался собственностью одного, первого канала, которому явно не по силам содержать такое большое творческое объединение. Было бы логично, чтобы «Экран» работал на все телеканалы: на государственные, акционерные, частные, которые испытывают нужду в высокопрофессиональных телелентах.

Для этого надо дать «Экрану» самостоятельность, сделать его Телевидеоцентром, принимающим заказы и от редакций телеканалов, и от любых других организаций, желающих за собственные деньги получить профессионально сработанный фильм. Уверен, что в недалеком будущем, когда работа эта будет налажена, Телевидеоцентр сможет прокормить себя и станет даже давать прибыль. А на первых порах, пока еще не налажены связи и не прошла переориентация на новые творческие задачи, нашему коллективу понадобится помощь государства.

Но, уверен, она будет недолгой: оставшее из пепла телекино вполне способно прокормить себя.

Александр ГАБРИЛОВИЧ,
секретарь Союза кинематографистов России.